

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. В. Кинсбургский
М. Н. Топалов

«Гражданские качели» в России: от
массового протеста до поддержки
реформ

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kinsbursky_Vlast_2006_5.pdf

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

«ГРАЖДАНСКИЕ КАЧЕЛИ» В РОССИИ: ОТ МАССОВОГО ПРОТЕСТА ДО ПОДДЕРЖКИ РЕФОРМ¹

Как известно, современная Россия переживает переходный период, суть которого состоит в дальнейшей трансформации страны в русле западноевропейских социальных институтов и ценностей при сохранении ее национальных и историко-культурных особенностей. В этой связи перед российским правительством стоит задача в ближайшие годы провести ряд относительно непопулярных социально-экономических реформ – жилищно-коммунальную, муниципальную, реформы в области здравоохранения, образования и другие.

Недавний опыт проведения пенсионной реформы показал, что при отсутствии адекватного понимания и поддержки со стороны заинтересованных социальных групп, а фактически всех слоев общества, усилия власти по замене сложившейся в советское время системы государственного пенсионного обеспечения на более прогрессивную накопительную были изначально обречены на провал. Более того, неумелые попытки реформирования социально-экономической сферы, затрагивающие интересы широких слоев населения, как это было, например, в начале 2005 года при введении в действие закона о «монетизации льгот», могут даже спровоцировать массовые акции протеста, существенно подорвать доверие и престиж власти. Проблема, таким образом, состоит в том, чтобы провести непопулярные, но необходимые с точки зрения модернизации страны реформы с минимальными социальными и политическими издержками: *избегая нежелательных акций протеста с одной стороны, и не допуская делигитимизации власти и потери ею «своего лица», с другой.* В научном плане решение указанной проблемы предполагает поиск ответов на следующие вопросы. Каков уровень социального недовольства в российском обществе в региональном разрезе и в динамике за последние годы? Каковы субъекты, критерии и адресаты массового недовольства? В каких формах оно проявляется? Каковы его основные социальные функции? Каковы условия, при которых социальное недовольство может перерасти в массовый протест? Какова вероятность развития массового протеста в стране в связи с попытками дальнейшего реформирования общества? Как следует правительству, власти в целом относиться к массовым акциям протеста?

1. Потенциал протеста и социальное недовольство

Как известно, люди протестуют – возмущаются, негодуют, предпринимают какие-то действия в знак протеста – не от хорошей жизни и, как правило, не потому, что им это нравится. Они вынуждены так поступать, поскольку у них не остается другого выбора, другой возможности изменить ситуацию к лучшему, например, найти понимание и сочувствие, договориться, прийти к обоюдному согласию, добиться решения той или иной важной проблемы. Другими словами, в основе массового протеста

---

¹ Текст подготовлен в Институте социологии РАН при поддержке гранта Отделения общественных наук РАН «Трансформационные процессы в России в условиях глобализации: социальная база поддержки и потенциал протеста», рук. – проф. В.А. Ядов.

лежит социальное недовольство в широком смысле слова – условиями жизни, перспективами их изменения, характером взаимоотношений населения с органами власти и т.п.

С началом рыночных реформ в России показатели социального недовольства - неудовлетворенности условиями жизни в целом и ее отдельными составляющими – заметно выросли по сравнению с предшествующим советским периодом. Если по данным различных социологических опросов доля полностью или в основном неудовлетворенных в начале 80-х гг. не превышала, как правило, 30-40%, то с начала 90-х гг. эта цифра стабильно держится на уровне 50-60% от общего числа опрошенных. По оценкам Юрия Левады, «от двух третей до трех четвертей российского населения считают, что живут хуже, чем раньше, значительно хуже, чем рассчитывали, и - сверх того - хуже, чем большинство окружающих людей» [1].

При анализе динамических рядов показателей социального недовольства, регулярно публикуемых ведущими социологическими центрами, выясняется, что на протяжении длительного отрезка времени их значения оставались относительно стабильными и менялись в довольно узких пределах. Безусловно, в истории постсоветской России наблюдались резкие подъемы, «всплески» этих показателей, например, весной 1997 г. на пике так называемых неплатежей или осенью 1998 г. в результате «дефолта». Однако уже через некоторое время их значения возвращались на прежний уровень, неизменно снижаясь в весенне-летний и несколько возрастая в осенне-зимний период. Из этого можно заключить, что относительно высокий уровень социального недовольства в современной России имеет в основном фоновый характер и не обязательно означает высокий уровень потенциального, а тем более реального массового протеста.

Динамика массового протестного потенциала, измеряемого показателем готовности к личному участию в уже начавшихся акциях протеста, в целом повторяет тенденции изменения социального недовольства, но на более низком уровне. Те, кто готов публично протестовать, составляют примерно половину/две трети от числа недовольных, в среднем 20-25% от всех опрошенных. Еще ниже, естественно, показатели реального участия в массовых акциях протеста – на уровне 5-10% от общего числа участников опросов. По данным ВЦИОМ (1997 г.) всеми видами протестных акций за 12 месяцев было охвачено 7% опрошенных [2].

В постсоветской России сложилась противоречивая и, на первый взгляд, парадоксальная ситуация, когда относительно высокая доля недовольных сочеталась со сравнительно низкой долей готовых протестовать и тем более реально участвующих в акциях протеста. Наиболее яркими примерами указанного противоречия могут служить, по крайней мере, такие факты: (1) многократное обесценение рубля в августе 1998 г. не привело к массовым выступлениям против экономической политики правительства, тогда как аналогичные события в Индонезии (в 1998 г.) и Аргентине (в 2001-2002 гг.) вызвали массовые уличные беспорядки и (2) серия терактов в августе 2004 г. (катастрофа двух самолетов и взрыв в Москве у станции метро «Рижская») не имели в этом смысле никаких последствий, а сравнимые, скажем, по числу жертв, теракты в Мадриде спустя несколько месяцев послужили

причиной миллионной демонстрации протеста и смены кабинета министров в результате парламентских выборов.

Главной силой декларативного протеста в России в 90-е гг. были, по мнению Ю. Левады, жители малых городов и сельской местности, на долю которых приходилось примерно 4/5 всех потенциальных «протестантов». Для Москвы и других мегаполисов характерен большой разрыв между высокими ожиданиями/опасениями массовых акций протеста и низкой готовностью участвовать в них. Сибирь и Дальний Восток характеризовались как «центр недовольства и выступлений», а Урал и Предуралье – как «опорный край державы» (с этой точки зрения).

С началом нового десятилетия многими социологическими центрами, в том числе ФОМом, отмечен в целом спад социального недовольства и протестной активности россиян.² Это объяснялось, видимо, повышенными электоральными ожиданиями в отношении нового Президента РФ Путина, а именно надеждами на укрепление государства, наведение порядка, усиление борьбы с коррупцией и т.п., а также было вызвано благоприятной экономической конъюнктурой на мировом рынке энергоносителей, которая позволила российскому правительству решить многие финансовые проблемы – ликвидировать задержки платежей, повысить зарплаты и пенсии и т.д. В дальнейшем, однако, происходило постепенное, незначительное нарастание социального недовольства и, соответственно, протестных настроений в обществе.

Развитие социально-политической ситуации в стране до недавнего времени давало основание для предположения, что период сильного недовольства и протестной активности россиян остался в основном позади, и у российской власти, по крайней мере, на ближайшие годы полностью развязаны руки для проведения необходимых модернизационных реформ. Эта относительно благоприятная картина была перечеркнута, однако, в начале 2005 г. массовыми акциями протеста, которые в той или иной мере продолжают до сих пор. После введения в действие закона о «монетизации льгот» акции протеста льготников, в основном пенсионеров прокатились по всей стране и приобрели массовый характер, социальное недовольство этой группы населения выплеснулось на улицы и, более того, приобрело политический характер (требование отставки правительства и т.п.). Основные уроки этих событий можно сформулировать следующим образом: 1) в нынешней («путинской») России действия протеста столь же вероятны, как и в прежней («ельцинской»), 2) эти действия протеста могут приобрести подлинно массовый характер, затрагивая широкие слои общества, и 3) в результате массовых действий протеста власть вынуждена корректировать свою политику, т.е. массовый протест вполне может оказаться действенным и результативным.

События января – марта прошлого года вновь актуализировали проблему протестного потенциала российского общества и возможность его трансформации в массовые акции протеста. Опять стали широко обсуждаться вопросы, при каких условиях декларативное, фоновое, пассивное социальное недовольство может превратиться в активные протестные действия? Как предотвратить запуск социального механизма, который приводит к массовым волнениям, беспорядкам и насилию?

---

² Климов И. 2004 год: протестные настроения российских граждан. (<http://bd.fom.ru/report/map/d042526>)

2. Протестный потенциал и социальная адаптация

По данным всероссийского опроса, проведенного ВЦИОМ в марте 1997 г., среди тех, кто больше уже «не мог терпеть свое бедственное положение», готовность участвовать в акциях протеста выразили только 46% [3, с. 8]. Это говорит о том, что «КПД» социального недовольства (в смысле его трансформации в готовность лично присоединиться к протестующим), не превышает 50%. Частично такое несоответствие можно объяснить тем, что среди недовольных встречаются люди, которые по объективным причинам (плохое состояние здоровья, преклонный возраст, обремененность семейными заботами и др.) даже гипотетически не видят себя среди участников пикетов, митингов, демонстраций, забастовок и др. Однако главным мотивом вербального отказа от участия в подобных действиях является все же неверие в их эффективность³. Это означает, что, с точки зрения недовольных, неудовлетворенных условиями жизни, существуют другие, более эффективные, чем акции протеста, способы решения жизненных проблем.

В кризисный, переходный период главным люди считают поиск дополнительных заработков и других источников доходов, т.е. активную адаптацию, приспособление к меняющимся условиям жизни. Это подтверждают, например, ответы на вопрос: «*Какой способ поведения в случае длительной невыплаты зарплат, пенсий, стипендий и т.п. вам кажется наиболее верным?*»: найти дополнительные заработки – 49%, влезть в долги – 21, принять участие в акциях протеста – 13, другие способы – 3, затруднились ответить – 14%⁴. Значительная часть недовольных склонна скорее к адаптационной деятельности, чем к протестной активности. Склонность к социальной адаптации в данном случае играет роль своеобразного «амортизатора», «буфера» социального недовольства, который не позволяет последнему трансформироваться в массовый протест. Фактором протестных настроений и действий, стало быть, выступает не низкий социальный статус сам по себе, а недостаточный адаптационный потенциал, который выражается, например, в безуспешных попытках адаптироваться к переменам или в сознательном отказе от таких попыток.

Уровень образования и социальный статус в целом неоднозначно связаны с протестными настроениями. По данным ВЦИОМа, около 40% потенциальных «протестантов» – это те, кто живет сравнительно неплохо, в относительном достатке. В массовых акциях протеста склонны участвовать не только материально ущемленные, но и те, кому, как говорится, «за державу обидно». В этом случае речь идет, видимо, о двух видах социального недовольства – материально-экономическими условиями и морально-политическими реалиями.

Важным представляется то обстоятельство, что носителями указанных видов недовольства во многом выступают представители разных социальных групп. По результатам всероссийского опроса, проведенного Службой ВР в июле 1995 г., выделены две непересекающиеся группы: (1) озабочены исключительно материально-экономическими условиями жизни и (2) обеспокоены сугубо морально-политическими проблемами. Особенностью первой группы оказалось относительное преобладание в ней

---

³ «...Очевидная "девальвация" массовых уличных акций связана, помимо всего прочего, с убежденностью людей в неэффективности подобных действий в принципе, основанной на собственном опыте или опыте других людей.» (Климова С. Митинги, пикеты, демонстрации в жизни россиян. База данных ФОМ, 15.04.2004)

женщин (65%), лиц с общим средним и более низким образованием, (57%), промышленных и сельскохозяйственных рабочих (50%), жителей малых городов и сельской местности (60%). Соответственно, вторую группу в основном составили представители так называемых «продвинутых» или «высокоресурсных» групп: мужчины (51%), лица с высшим и средним специальным образованием (72%), служащие, специалисты и руководители (64%), жители крупных и средних городов (56%).

В составе потенциальных «протестантов» следует различать, с одной стороны, плохо адаптированных лиц с низким социальным статусом, с другой, относительно хорошо адаптированных в личном плане, но не удовлетворенных решением общественных проблем. И те, и другие могут проявлять склонность к протесту при условии, что у них нет иного выбора. Если у представителей первой группы сохраняется желание и надежда приспособиться к изменившимся условиям жизни, они, скорее всего, предпочтут адаптацию, чем участие в акциях протеста. Что касается второй группы, то для них альтернативой протестным действиям могло бы служить, например, протестное голосование на выборах при условии, что оно *в принципе* может привести к смене режима. Если надежды на решение тех или иных проблем привычными, мирными средствами не остается, вероятность массовых действий протеста, естественно, возрастает.

Преобладание «адаптационных» настроений над «протестными» было характерно для российского общества в 90-х гг., когда многие россияне видели свою личную задачу в том, чтобы «выжить», приспособиться к условиям рыночной экономики. Что же изменилось в общественных настроениях в начале 2005? Почему пенсионеры и другие категории льготников, которые традиционно были оплотом власти на выборах, «восстали» против замены своих «натуральных» привилегий денежными компенсациями?

Закон о «монетизации льгот» коснулся широких слоев населения, прежде всего ветеранов и пенсионеров, однако его вклад в общее снижение уровня жизни относительно невелик, если учесть ежегодные темпы инфляции, постоянное повышение тарифов на коммунальные и другие услуги, снижение объема и качества бесплатного медицинского обслуживания и т.д. «Монетизация льгот» стала последней каплей, переполнившей чашу терпения, потому, что она не просто нарушила сложившийся хрупкий баланс доходов льготников и их возможностей удовлетворения своих жизненно важных потребностей, но и вызвала сознательный отказ от адаптации к предлагаемым переменам. Предложенные нововведения были восприняты в основном как несправедливые, по крайней мере, по трем основаниям: во-первых, они затронули интересы только рядовых граждан, не коснувшись привилегий высшей бюрократии и вообще правящего класса, во-вторых, продемонстрировали вопиющее неравенство в распределении государственных доходов между населением/бюджетниками и государством (госбюджет, золотовалютный резерв, стабилизационный фонд и т.д.) и, в-третьих, затронули базовые ценности ветеранов и пенсионеров. Льготы имеют для последних не только финансовое, материальное измерение, но и служат формой выражения заслуг перед обществом (общественное признание того, что жизнь прожита не зря). В сознании потенциальных «протестантов» произошел синтез недовольства материально-экономическими условиями жизни и чувства

---

⁴ Данные представительного всероссийского опроса, проведенного Службой Vox Populi в ноябре-декабре 1992 г.

несправедливости сложившимися общественными отношениями. Можно предположить, что именно ощущение несправедливости парализовало, блокировало их адаптационный потенциал и, следовательно, актуализировало потенциал протеста.

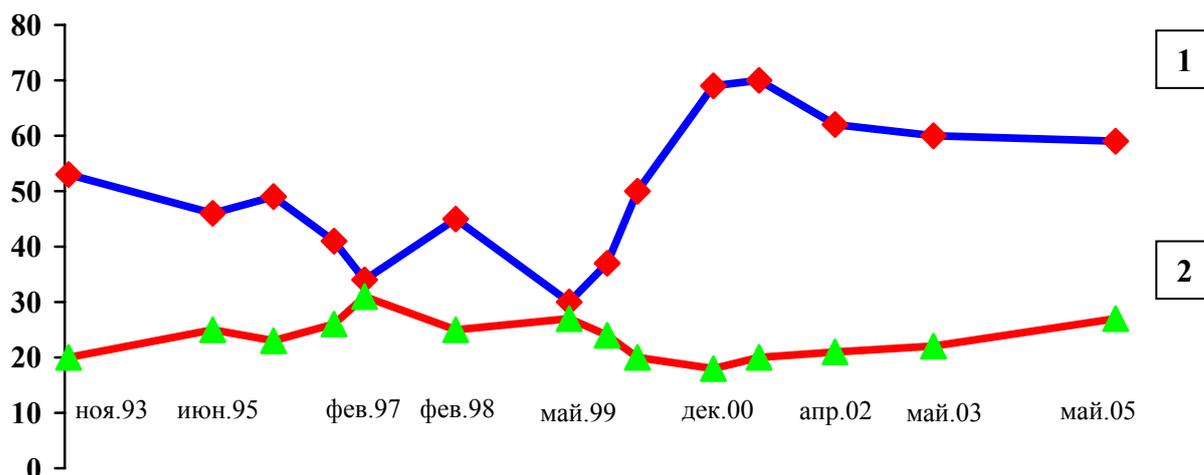
Таким образом, одной из важнейших предпосылок трансформации социального недовольства в массовые действия протеста служит снижение адаптационного потенциала в результате нежелания, отказа людей от дальнейшего приспособления к меняющимся условиям жизни⁵. Предотвращение массовой «реакции отторжения» на предлагаемые реформы за счет «приобщения», «включения» тем или иным образом в процесс реформирования может, видимо, блокировать нежелательные акции протеста. Если бы «монетизация льгот», скажем, касалась не только широких слоев общества, но и привилегий чиновников, предложенные меры выглядели бы в глазах населения более справедливыми и, скорее всего, не вызвали бы такого открытого и массового возмущения с элементами силовых действий (блокирование автомагистралей).

3. Протестные настроения в массах и элите

При изучении механизма трансформации социального недовольства в массовый потенциал протеста недостаточно рассматривать закономерности изменения только массового сознания, поскольку, как известно, во многом оно отражает состояние и тенденции развития общества в целом, тем более в кризисный, переходный период. Для ответа на вопрос, какие внешние факторы стимулируют или, наоборот, блокируют протестный потенциал, необходимо обратиться к анализу взаимосвязи массового и элитного сознания.

Динамика показателей консолидации элиты и протестного потенциала масс

(в % к общему числу респондентов в каждом опросе)

⁵ Основные негативные изменения произошли в оценках собственного положения дел. Впервые с мая прошлого года прекратилась тенденция роста уровня приспособленности (адаптации) россиян к происходящим в стране переменам. В январе (2005 г.) по сравнению с декабрем число тех, кто считает, что уже приспособился к переменам, сократилось с 65 до 57%, а число тех, кто считает, что «никогда не приспособится», выросло с 16 до 22%. (ВЦИОМ. Пресс-выпуск №162)

1 – доля представителей элитных групп, считающих, что Россия идет в целом в правильном направлении (Служба ВР/Центр «Глас народа»)   2 – доля «рядовых» граждан, лично готовых принять участие в уже начавшихся акциях протеста (ВЦИОМ/Левада-Центр)

На графике отчетливо видна обратная связь между массовым потенциалом протеста и степенью консолидации элитных («властных») групп - по принципиальному вопросу «Куда идет Россия?». Чем выше степень консолидации правящей элиты, тем ниже массовый потенциал протеста и, наоборот, чем выше «раздрай» в «верхах» (несогласие, например, по вопросу о курсе развития страны), тем сильнее протестные настроения в «низах».

После кризиса октября 1993 г. и первых выборов в Государственную Думу в России сложилась относительно благоприятная политическая ситуация: уровень протестных настроений в обществе был сравнительно низок, а степень консолидации элиты довольно высока. В дальнейшем на графике четко просматриваются два кризисных момента - начало 1997 г. (болезнь Ельцина) и середина 1999 г. (замена Примакова на посту премьер-министра сначала Степашиным, а затем Путиным). В то же время 1998 г. не выглядит критической точкой, поскольку осеннему росту социального недовольства, последовавшему в результате «дефолта», сопутствовала относительная консолидация российской элиты после прихода к власти правительства Примакова. Благоприятная для правительства политическая обстановка вновь возникла в 2000-2001 гг. в начале первого срока президентского правления Путина. В последующие годы, как можно заметить, степень консолидации элиты несколько снизилась, и в динамике массового протестного потенциала наметилась тенденция к росту. Однако разрыв между обоими показателями до сих пор остается значительным и довольно безопасным для власти.

Именно этим, вероятно, объясняется тот факт, что массовые акции протеста в начале 2005 г. не получили дальнейшего развития и не привели к серьезному политическому кризису. Власть нашла силы и средства справиться с этой проблемой, с одной стороны, исправив свои наиболее грубые ошибки, с другой, пойдя частично навстречу требованиям протестующих.

По поводу механизма взаимосвязи состояния массового и элитного сознания можно с уверенностью предположить лишь то, что ведущими, опережающими, лидирующими в этой паре являются, конечно же, настроения «верхов». Во-первых, отдельные элитные группы, по замечанию Ю. Левады, в определенный момент провоцируют и используют постоянно существующий протестный потенциал масс в своих интересах [2]. Во-вторых, сам по себе «раздрай» в элите может быть достаточным основанием для массового недовольства, поскольку символизирует о наличии серьезных проблем в развитии общества или об остром кризисе в управлении страной.

В любом случае подъемы и спады протестной активности связаны с состоянием не только массового, но и элитного сознания. Если правящая элита расколота, растеряна, не способна противостоять возникающим угрозам, появляются условия для роста массовой протестной активности. Если властная, управленческая элита консолидирована, дееспособна, эффективна, у социального недовольства практически нет шансов на успешное выражение в массовых действиях протеста. Для подъема протестной активности масс необходим, следовательно, не только высокий уровень

социального недовольства, но и относительная слабость власти. Этот вывод полностью соответствует знаменитой формуле «революционной ситуации», которая возникает, как известно, при условии, что «верхи» уже не могут управлять, а низы не хотят жить по старому.

4. Массовый протест и конфликт народа и власти

В механизме трансформации, преобразования социального недовольства в потенциал массового протеста важную роль играет такой элемент как степень осознания субъектом, во-первых, объективных оснований и субъективных мотивов недовольства (чем недовольны, что не удовлетворяет) и, во-вторых, его адресата (кем недовольны, кто виноват). Что касается субъекта недовольства, то его социальные характеристики хорошо известны. Это, прежде всего, малоимущие и социально незащищенные слои населения - работники бюджетных отраслей народного хозяйства, пенсионеры и другие категории населения, находящиеся на содержании государства. Однако в иных случаях субъектом недовольства могут выступать и другие социальные группы, в предельном варианте – народ, общество в целом.

Наиболее весомым стимулом, причиной недовольства в постсоветской России, несомненно, служит относительно низкий уровень жизни, бедность, нищета, широко распространенные в 90-е гг. задержки с выплатой зарплат, пенсий и другие экономические причины. Причины социального и политического характера (резкая имущественная дифференциация, отсутствие социальных гарантий, разгул преступности, а также слабость и беспомощность власти, низкий международный престиж страны и т.д.) занимают обычно вторые - третьи места в иерархии наиболее острых проблем, волнующих в первую очередь.

Что касается объекта, адресата недовольства, то в массовом сознании он прочно ассоциируется, прежде всего, с различными институтами власти. По данным фонда «Общественное мнение», 33% опрошенных полагают, что люди недовольны, прежде всего, федеральными властями, а 25% чаще отмечают протест против региональных властей⁶. В последние годы с построением «властной вертикали» дифференциация на федеральную и региональную власть с точки зрения претензий и обвинений со стороны общественности в неэффективном управлении в принципе потеряла смысл.

В начале 90-х гг. конфликт народа и власти в оценках общественного мнения выглядел еще более остро. Так, по данным всероссийского опроса, проведенного Службой ВР в конце 1992 г., 46% указали, что взаимоотношения народа и правительства по сравнению со всеми другими видами социальных конфликтов отличаются наиболее высокой напряженностью. Таким образом, проблема социального недовольства и массового протеста осознается в массовом сознании в первую очередь как конфликт народа и власти в целом, общества и государства в узком значении этих понятий.

В рамках конфликтологической парадигмы конфликтные отношения социальных субъектов в принципе представляются вполне нормой их взаимодействия, когда между участниками конфликта происходит интенсивный обмен информацией и другими ресурсами, в целом способствующий их развитию. Основная проблема в данном случае заключается в качественных характеристиках такого

---

⁶ Климова С. Протестные настроения и протестные действия.
(http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dominant2004/dom0444/domt0444/domt0444_4/d044422)

рода конфликтных отношений. С одной стороны, конфликт не должен быть чрезмерно острым, носить деструктивный, разрушительный характер, с другой стороны, противоречия между участниками конфликта должны быть хорошо осознаны и четко предъявлены, а не скрыты и вытеснены из поля общественного внимания.

Принципиальную важность приобретает вопрос о формах массовых акций протеста, а именно проблема их легальности и легитимности. К законным и одобряемым в общественном сознании формам можно отнести письменные и устные обращения в органы власти и средства массовой информации, отстаивание интересов в суде, протестное голосование на выборах, участие в социологических опросах и референдумах, санкционированные пикеты, митинги, демонстрации и марши протеста, законные забастовки и т.д. К противоправным, незаконным акциям относятся несанкционированные пикеты, митинги, демонстрации, марши протеста и забастовки, а также блокирование дорог, захват административных зданий и официальных лиц, гражданское неповиновение, вооруженное сопротивление представителям органов власти и т.п. На наш взгляд, главное, что их различает, это, видимо, наличие или отсутствие силовых действий или их угрозы. В рамках цивилизованных отношений между социальными субъектами, находящимися в конфликтных отношениях, открытые и грубые силовые действия, естественно, недопустимы.

Однако проблема насилия в массовых действиях протеста, их перерастания в волнения и беспорядки носит довольно сложный характер. Нередко власть, не умея управлять развитием конфликтных отношений, вести переговоры, находить компромиссы и т.д., прибегает к силе (демонстрации силы) и, тем самым, провоцирует обратное насилие со стороны протестующих. Кроме того, «мирные», ненасильственные акции протеста далеко не всегда оказываются достаточно результативными и действенными в российских условиях. Нередко власть ничего не предпринимает для решения поднятых проблем, не удосуживается отреагировать на заявления протеста, ответить на запросы, дать необходимые разъяснения и пр.

В глазах большинства россиян наиболее массовые формы протеста – митинги, демонстрации, забастовки – выглядят вполне приемлемыми и допустимыми, т.е. легитимными, хотя и не всегда легальными, официально разрешенными способами выражения социального недовольства. При принятии важнейших управленческих решений российская власть, как правило, не учитывает общественное мнение, выраженное теми или иными «мирными» способами. В результате возрастает общественная поддержка силовых действий протеста, например, блокирования автомагистралей.

До начала 2005 г. представление о неэффективности массовых действий протеста абсолютно преобладало в общественном мнении. После известных акций льготников ситуация, видимо, принципиально изменилась. Как показал один из опросов ФОМа, «...56% россиян уверены, что с помощью акций протеста можно добиться решения той или иной проблемы, тогда как противоположной точки зрения придерживается примерно треть опрошенных (30%)».⁷

---

⁷ Климов И. Протестный потенциал и протестная активность. 07.07.2005. Обзор (База данных ФОМ > Проекты > Доминанты. Поле мнений > Выпуск 27 от 07 июля 2005 г. > Протестный потенциал и протестная активность)

Вообще указанные акции протеста оказались для власти неприятной неожиданностью, хотя определенные предупреждения со стороны исследователей общественного мнения о возможных социальных последствиях «монетизации льгот» в смысле роста протестной активности были. Однако, результаты социологических опросов как канал обратной связи «не сработали», т.е. не были учтены при принятии управленческих решений по реализации закона № 122. В результате были допущены серьезные просчеты, и, как следствие, возникли массовые беспорядки, вынудившие правительство спешно исправлять свои ошибки с помощью дополнительных финансовых вливаний.

Как известно, социальное недовольство как «питательная среда» массового протеста всегда было, есть и, видимо, будет. При проведении модернизационных реформ оно, скорее всего, не уменьшится, а сохранится на прежнем уровне или даже, возможно, возрастет. Об этом говорит в частности следующее распределение ответов на вопрос: «**Каким образом, по Вашему мнению, повлияют на жизнь таких людей, как Вы...?**»⁸.

	Улучшит жизнь	Ухудшит жизнь	Никак не скажется	Затруднились ответить
Реформа энергетики	8	53	26	13
Жилищно-коммунальная реформа	8	56	24	12
Пенсионная реформа	14	36	32	18

Основная проблема состоит, таким образом, не в снижении уровня социального недовольства любым путем, а в изменении его качественной характеристики. Более важная задача - добиться того, чтобы массовое недовольство выполняло социально конструктивную функцию. Задача реформаторов состоит, следовательно, не в том, чтобы подавить протестные настроения как таковые, а в том, чтобы избежать перерастания дремлющего, скрытого, латентного недовольства в волнения и беспорядки. Для этого власть должна, на наш взгляд, соблюдать, по крайней мере, следующие условия: (1) не ограничивать, а, наоборот, расширять возможности социальной адаптации, массового приспособления к изменяющимся условиям жизни в результате проводимых реформ, в том числе за счет принятия достаточно справедливых и понятных с точки зрения общества управленческие решения; (2) не допускать раскола элит, уметь договариваться с оппозицией (не только политической, но и культурной, интеллектуальной) по принципиальным вопросам развития страны и (3) использовать «мирные» акции протеста в качестве канала обратной связи; не провоцировать силовые действия со стороны протестующих в ответ на применение силы представителями органов охраны правопорядка.

Литература:

1. ЛЕВАДА Ю.А. *Человек недовольный: протест и терпение. В кн. "ОТ МНЕНИЙ К ПОНИМАНИЮ. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ" 1993-2000. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. Электронная версия.*

⁸ Данные всероссийского опроса общественного мнения, проведенного Левада-Центром в феврале 2003 г.

2. ЛЕВАДА Ю.А. *Массовый протест: потенциал и пределы. В кн. "ОТ МНЕНИЙ К ПОНИМАНИЮ. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ" 1993-2000.* – М.: Московская школа политических исследований, 2000. Электронная версия.
3. Информационный бюллетень мониторинга. ВЦИОМ, 1997. № 3 (29). Май–июнь.